

Минатуллаева Мадина Магомед-Шапиевна

ЖАНР ПОЭМЫ В КУМЫКСКОЙ ПОЭЗИИ 60-80-Х ГОДОВ XX ВЕКА

В статье ставится задача проследить эволюцию жанра поэмы в кумыкской поэзии 60-80-х годов XX века. В результате анализа жанровых и композиционных особенностей поэм в творчестве кумыкских поэтов автором статьи выявлены и определены такие разновидности поэм, как лирическая, лиро-эпическая, лирико-философская, лиро-драматическая, лирико-публицистическая, наличие которых свидетельствует о расширении рамок жанра поэмы в кумыкской литературе исследуемого периода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/3-2/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 2. С. 28-32. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.351.0(=943.32)

В статье ставится задача проследить эволюцию жанра поэмы в кумыкской поэзии 60-80-х годов XX века. В результате анализа жанровых и композиционных особенностей поэм в творчестве кумыкских поэтов автором статьи выявлены и определены такие разновидности поэм, как лирическая, лиро-эпическая, лирико-философская, лиро-драматическая, лирико-публицистическая, наличие которых свидетельствует о расширении рамок жанра поэмы в кумыкской литературе исследуемого периода.

Ключевые слова и фразы: поэзия; жанр; поэма; лирический герой; образ; структура; лирическая поэма; лиро-эпическая поэма; лирико-философская поэма; лиро-драматическая поэма; лирико-публицистическая поэма.

Минатулаева Мадина Магомед-Шапиевна, к. филол. н.

Дагестанский институт развития образования

m_minatulaeva@mail.ru

ЖАНР ПОЭМЫ В КУМЫКСКОЙ ПОЭЗИИ 60-80-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Дагестанская поэма, истоки которой восходят к концу XVIII – началу XIX в., недостаточно изучена. Этот пробел в определенной степени восполняют монографии «Дагестанская поэма» [22] и «Три десятилетия аварской поэзии (1955-1990)» [23] Ч. С. Юсуповой и небольшой по объему научный труд «Кумыкская поэма: духовно-нравственные проблемы» [8].

Лиро-эпическая поэма, устремлённая к большому эпическому содержанию, заняла значительное место в кумыкской поэзии ещё в конце XIX – начале XX века в творчестве классиков кумыкской литературы Йырчи Казака [15], М.-Э. Османова [3], М. Алибекова [Там же], Т. Бейбулатова [Там же], в поэзии которых уже был накоплен значительный опыт в создании жанра лиро-эпической поэмы.

Лиро-эпическая поэма стала интенсивно развиваться в молодой советской кумыкской литературе с первых лет ее возникновения, достигнув наибольшего расцвета в 30-е и в 60-70-е годы.

В конце 50-х и в начале 60-х годов многих дагестанских поэтов волновали проблемы раскрепощения горянки, вовлечения ее в общественную жизнь. Горянка, стремящаяся к борьбе за свое человеческое достоинство, к активной деятельности, к возвышенным идеалам, стала главной героиней поэм лиро-эпического характера.

В поэме Аткай «Рабият» через трудную судьбу конкретной личности (прототипом героини является народная артистка СССР Барият Мурадова) художественно осмысливаются сложные морально-этические проблемы. Его героиня не только отстаивает свое человеческое достоинство, но и достигает своей заветной мечты.

Труден и тернист путь Рабият к искусству, но она сильная и целенаправленная натура, ее не останавливают трудности:

На арбе на тряской
Едет Рабият,
Где встречают лаской,
Где убить хотят.

Да, однажды в клубе,
Сговорясь тайком,
Хулиганы вкупе
С бывшим кулаком
Лампы погасили
И, беря в кольцо,
Камнем запустили
Рабият в лицо

(авториз. пер. с кумык. Е. Елисеева и Я. Козловского) [6, с. 130].

В поэме четко видна тенденция кумыкской поэзии 60-х годов к лиризации, которая привела к идеализации характеров. Автор создал образ актрисы-горянки, показал ее трудный путь к искусству. Женская тема прозвучала в поэме как торжество нового социалистического строя. Аткай наглядно изображает духовный рост народа. Талант актрисы оценен людьми и вознагражден признанием.

Вся поэма проникнута нежными чувствами автора к своей героине. Стройный сюжет наполнен лирическими авторскими отступлениями, более глубоко синтезированы лирическое и эпическое начало. Поэма «Рабият», несомненно, одно из лучших проявлений лиро-эпического жанра поэмы в кумыкской советской поэзии 50-60-х годов.

Поэма решена в лиро-эпическом плане. Повествовательная основа поэмы дала автору возможность раскрыть судьбу своей героини на фоне окружающей ее жизни, и в то же время в поэме достаточно четко выступает личность автора.

В «Истории дагестанской советской литературы» поэма «Рабият» Аткай и «Горянка» Р. Гамзатова рассматриваются с позиций социально-нравственной, эстетической аналогий [14, с. 263-267]. Действительно, в обоих произведениях – судьбы женщин, их стремление найти, занять подходящее своему духовному потенциалу

место в иерархии общественной жизни. Замыслы поэм – в их широком осмыслении – родственны, но, на наш взгляд, различны цели героинь, различна природа конфликтов, различны художественные приемы движения сюжета и арсенал средств изобразительности.

Нельзя не учитывать также роль времени как эстетико-философской реальности: биография Рабият условно восходит к началу XX столетия, а Асият входит в жизнь в конце 50-х – начале 60-х годов. Времена имели и имеют не только внешние оттенки, но и своеобразную внутреннюю суть. Никким образом нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что Асият – собирательный образ горянки, а образ Рабият имеет реальный прототип – Народную артистку СССР Барият Мурадову.

Автор углубился в детальное изображение жизненных событий незаурядной актрисы и меньше внимания уделил богатству характера, не раскрыл богатый внутренний мир героини. Между тем Л. Толстой подчеркивал: «...если писать прямо с натуры одного какого-нибудь человека, это выйдет совсем не типично – получится нечто единичное, исключительное и неинтересное... А нужно именно взять у кого-нибудь его главные, характерные черты и дополнить характерными чертами других людей, которых наблюдал... Тогда будет типично. Нужно наблюдать много однородных людей, чтобы создать один определенный тип» [17, с. 237]. В поэме Аткай «Рабият», в отличие от поэмы Р. Гамзатова «Горянка», главная героиня изображена «единично», не дополнена «характерными чертами других людей», хотя и изображена жизнь незаурядной личности.

Другая поэма Аткай, написанная в лиро-эпическом жанре, – «Оленьи рога» посвящена великому русскому писателю Л. Толстому и проникнута идеей интернационализма.

Начинается поэма с воспоминаний о детстве, когда автор впервые познакомился с творчеством Л. Толстого. Во второй главе описывается его поездка в Ясную Поляну. Дальнейшее повествование вылилось в предполагаемый диалог автора с великим русским писателем:

Толстой великий!
Невдомек тебе,
Что русский мы давно родным считаем...
Как много значишь в нашей ты судьбе!
У нас ты, как учитель, почитаем
(перевод Д. Голубкова) [7, с. 68].

В поэме показано отношение самого автора к Л. Толстому, звучит мотив интернационального единства всех наций:

Он не святой,
Он был святым синодом
От православной церкви отлучен,
Но свят и дорог Лев Толстой народам
Все, и нациям, и людям близок он [Там же, с. 72].

Само название поэмы «Оленьи рога» становится символом не только величия таланта Л. Н. Толстого, но и свободы: Л. Толстой, ценивший свободу, увез с Кавказа в Россию оленьи рога, олицетворяющие в данном случае свободолюбивый дух горцев. А в более широком охвате Аткай выразил мысль: «и малые звезды украшают небо», и малые народы вносят достойный вклад в непрерывный исторический процесс.

Поэма насыщена авторскими отступлениями. Как уже говорилось, она состоит из двух глав: одна рассказывает о детстве автора, вторая переносит читателя в пору зрелого возраста поэта. Несмотря на разрыв во времени, в художественном повествовании существует органическая связь сюжетной линии обеих глав, что выявляет ее эпическую основу.

При чтении поэмы «Оленьи рога» не покидает ощущение ее жанровой близости к кумыкской народной поэзии. Это выражается в романтической приподнятости, в насыщенности фольклорной символикой.

Особую тональность поэме придают пейзажные зарисовки. Автор передает романтическую прелесть дагестанского и русского пейзажей. Впечатлительность поэта вызывает поток лирических чувств. В поэме явно заметно сближение лирического и эпического моментов с преобладанием эпической основы развития сюжета.

Произведения А.-В. Сулейманова «Умар-Паша», «Герой Днепра», «Незабываемые дни», «Друг мой» свидетельствуют не только о многогранном, широком идейно-тематическом разнообразии его творчества, но и о богатстве жанровых решений в недрах кумыкской поэзии [20].

В конце 60-х и в начале 70-х годов в кумыкской поэзии появились поэмы, авторы которых пережили свое детство и отрочество в тяжелые годы войны. Как пишет А. Г. Жаков, «подавляющее большинство автобиографических поэм сосредотачивается на внутреннем мире личности, на человеческой судьбе. По форме это преимущественно поэмы-исповеди, лирические монологи» [13, с. 78]. Таковы поэмы-исповеди «Гьарсиллекде» («На качелях») З. Хиясова [11, с. 322-328], в которой выразились горестные чувства детей, потерявших отцов на войне, и «Урланган ажжал» («Похищенная смерть») М. Атабаева [5].

В поэтических творениях, связанных с борьбой против фашизма, А.-В. Сулейманов, несомненно, проявлял себя как зрелый мастер художественного слова. Его достижения в области поэм-посвящений, стихов-посвящений сродни стихам М. Исаковского, К. Симонова, П. Антокольского, М. Алигер и ряда других. Однако нам трудно согласиться с мнением некоторых исследователей о том, что «Умар-Паша» и «Герой Днепра» – поэмы. И по структуре, и по тональности оба произведения – это баллады. Помимо остальных показателей, в них явно проступают фольклорные традиции героических песен.

Одной из наиболее интересных поэм, посвященных участникам войны, явилась поэма Б. Магомедова «Уч къурдаш» («Три друга») [9, с. 125-128]. Поэма обратила на себя внимание тем, что затронула актуальную тему в литературе нашего времени. Написанная в форме монолога лирического героя, она передает нежность и теплоту авторских чувств к бывшим воинам, глубоко осмысливает прошлое и настоящее.

В центре поэмы три участника войны, которые являются не вымышленными героями, а живут среди нас. Автор вместо эпиграфа дает точные координаты своих героев. В поэме нет полного сюжета, в основе ее только лишь эпизод из жизни трех друзей – это танец инвалидов войны на свадьбе.

В лирическом отступлении поэт растроганно любит героями, что усиливает эмоциональный накал, заставляет сопереживать, потому что истинная лирика, как писал В. Я. Брюсов, «должна вызывать в душе читателя совершенно особые движения, которые я называю настроением» [12, с. 18].

Атыл, атыл, юрегим,
Тешден чыкъма алгъаса –
Бугюн уч къурдаш булан
Тойгъа гелген уч аса [9, с. 126]...

Стучи, мое сердце, стучи,
Тесно тебе в моей груди.
Три друга сегодня на свадьбу
На трех костылях пришли
(здесь и далее подстрочные переводы наши – М. М.).

Для усиления динамичности повествования автор искусно использует разные размеры стихосложения, повторение первого четверостишия, что перекликается с приемом народных песен кумыков.

Автор сумел показать, как неповторима красота, размах души простых, сильных духом людей, оставшихся солдатами по сей день, и как нужно этим людям тепло и внимание современников:

Бирдей назик уч юрек –
Бир къомузну уч кылы,
Къылдай назик жанлары,
Йылы сѣз тарыкъ йылы [Там же, с. 128]!

Три нежных сердца рядом –
Словно три струны кумуза.
Как струны, тонка каждого душа,
Теплые слова им нужны!

За эпизодом из жизни старых солдат – вся их героическая молодость.

Переживания лирического героя, выражающие эмоции автора, говорят о том, что автор чисто лирической поэмы в наше время может избежать сужения содержания, смысловой и идейной ограниченности, если через личность творца просматривается большой мир. Удачное идейно-тематическое и жанровое решение произведения говорит о широких возможностях лирической поэмы, о перспективах ее развития.

С точки зрения жанровой природы интересно построена лирическая поэма Джаминат Керимовой «Тул кыыз» – «Девушка-вдова» [16]. Актуальная тема в ней раскрывается специфическими художественными средствами, напоминающими своеобразную трансформацию легенды о девушке-вдове, бытующей в кумыкском фольклоре.

Взятая в сюжетную основу тема также не нова и кумыкской советской литературе послевоенного периода. В ней, как и в поэме М. Атабаева «Похищенная смерть», – ожидание. Девушка ждет своего жениха, который ушел воевать прямо со свадьбы и погиб. Теперь для нее каждая свадьба в селе – душевная мука, напоминающая о ее несостоявшемся счастье.

Приведенный в начале поэмы эпиграф из стихотворения К. Симонова «Жди меня» раскрывает смысловую и эмоциональную суть произведения. Если в песне о девушке-вдове передается трагическая судьба невесты, у которой убили жениха в день свадьбы, то в поэме Дж. Керимовой этот сюжет выступает в пересмысленном виде. В поэме основная сюжетная линия построена на ожидании, которое выливается в безграничную душевную драму. Прежде чем ввести читателя в событийную часть, автор начинает первую главу с лирического вступления, поэтические формулы которого во многом совпадают с поэтическими формулами плача из песни девушки-вдовы: в песне – «Я среди вас вдова-девушка. Я расскажу о своих невзгодах, послушайте»; в поэме – «Оставшихся вдовами много на земле, не спрашивайте» [Там же, с. 128].

Поэтесса мечтает воздвигнуть памятник «девушке-вдове»: «Мен памятник салар эдим ол кыызгъа» [Там же, с. 140] / «Я бы воздвигнула памятник той девушке».

Соприкосновение двух трагедий – девушки и матери – еще больше усиливает наше сопереживание. В поэме содержание развернуто в форме цельного лирического переживания. В ней звучат настойчивые «хватит нам войн», «хватит нам вдов», девушке больше к лицу белое платье невесты, а не черное одеяние вдовы, она должна знать счастье материнства («аналыкъны насибин»), а не горькие вдовьи слезы.

Таким образом, проанализированные выше поэмы свидетельствуют о тематическом разнообразии и богатстве кумыкской лирической поэмы, которая при доминанте лирического начала широко использует элементы эпоса, придавая лирическому переживанию эпическую широту.

В кумыкской лирико-публицистической поэме это переживание вызвано всегда острополитическими событиями, происходящими не только в нашей стране, но и во всем мире, поэма стала «боевым оперативным» жанром, который быстро реагирует на события и живет этими событиями. Как пишет А. Г. Жаков, «в наше время одних публицистических средств оказывается недостаточно для осмысления сложных жизненных явлений, им требуется философский угол зрения» [13, с. 96].

Если лирико-публицистическая поэма строится на открытой, прямо высказываемой мысли автора, то лирико-философская поэма, прежде всего, нуждается, помимо авторского переживания, в «образной реализации», в медитации, в нравственности и в интеллектуальности. Аристотель писал, что «поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история – о единичном» [4, с. 655].

Кумыкской лирико-философской поэме 70-90-х годов характерна особенная насыщенность философской мыслью, стремление целостного восприятия мира плюс «биография души» (А. Н. Лурье [18, с. 193]). В этом ключе написана поэма А.-В. Сулейманова «Годы» [20, с. 286-295]. В поэме наблюдается гармоничное соотношение реального и философски отвлеченного.

Здесь «мысль-чувство» выражена «философично и метафорично». Метафоричность в поэме часто переходит в символичность. Само название поэмы «Годы» уже говорит о том, что за строками поэмы – долгие годы жизни, причем жизнь не одного человека (автора), а жизнь страны, которую автор называет «наш дом». Философские раздумья поэта выражают гражданские позиции автора. Не менее важно, что поэт в рамках небольшой поэмы изобразил историю целого поколения, конкретизируя события.

Сложная эпоха в жизни дагестанского народа передается через образ времени – улетающие назад годы. Автор верен своей традиции – он заканчивает поэму оптимистично. Автору свойственна романтичность, характерная для литературы конца 20-х и начала 50-х годов, объясняемая особым жизнерадостным пафосом. Таким образом, насыщенность мыслью, свойственной философской лирике, в поэме выступает «как наиболее “конденсированное” образное выражение поэта о больших жизненных проблемах своего времени» [19, с. 142].

Для лирической поэзии 70-80-х годов характерна насыщенность философской мыслью. Пронизанные народной мудростью, духовно-нравственной силой, лиризмом поэмы кумыкских поэтов расширяют границы исповедальной поэмы. Удачные из них – «Тропою весны» А. Аджиева [1, с. 18-35], «Караташ» и «Балкон» А. Акаева [2, с. 291-308, 309-328].

Поэма Б. Магомедова «Минг бирлени йыры» («Песня тысяча первых») [10] является примером того, что современная кумыкская поэма вбирает в себя достижения предшествующих десятилетий, углубляя и расширяя проблематику, сосредоточивая внимание на проблемах мира, современности, обнаруживая тяготение к философичности.

Представляя собой смешанное жанровое образование, поэма имеет фрагментарную структуру, отражающую сложное ассоциативное поэтическое мышление Б. Магомедова. Фрагментарность не исключает наличия основной организующей эпической идеи. Олицетворяются тысячи погибших солдат, которые представляют собой обобщенные образы героев и жертв войны. Следует отметить, что эти образы соседствуют с реальными образами, с «образами-символами», «символами-иносказаниями», которые «проявляются не столько в степени “реальности”, сколько в характере художественного обобщения» [21, с. 278].

Эпическая масштабность и широта охватываемых событий реализуются в основном в главах, написанных белым стихом, драматизированными диалогами, монологами персонажей. Это говорит о том, что поэту недостаточны рамки двух литературных родов – эпоса и лирики, он расширяет жанровый диапазон своего произведения за счет другого рода литературы – драмы.

Лирическое вступление в поэме раскрывает намерение автора посвятить свое произведение солдатам, отдавшим жизнь за мирное будущее своего народа, и их героическим матерям.

В центре эпического содержания поэмы образ конкретного человека – бабушки автора, которую он представляет с большой теплотой («Мени азиз абайым, атамны анасы» [10, с. 103] – «Ты моя милая бабушка, мать моего отца»).

В данном случае лирическое вступление, написанное прозаическим текстом, вводит нас в событийную часть поэмы. Все другие прозаические вставки раскрывают мысли автора или передают его рассказ о своей жизни, чаще всего сопровождая тот или иной эпизод поэмы, например:

«Атам давгъа гетип, уьч ай битди дейген гече, мен тувгъанман. Озьюнню уланы барны атам билмей. Ол мени танымай, мен билмеймен ол Къырымда, Керчь шагъарны ювугъунда белгисиз тас болгъанны» [Там же, с. 105]. / «В ночь, когда прошли три месяца, как мой отец ушел на войну, я родился. Отец мой не знает, что у него есть сын. Он не видел меня и я его. Он пропал без вести в Крыму, недалеко от города Керчь».

Вечная боль вселилась в сердце матери, которое автор сравнивает с неиссякаемым источником: «Ана юрек! Сенден терен булакъ бармы экен!» [Там же, с. 106]. / «Материнское сердце! Есть ли глубже источник, чем ты?!».

Дальнейшее развитие сюжета поэмы основано на диалогах матери солдата с погибшими воинами, написанных в манере драматического произведения, которые прерываются песнями, поэтическими импровизациями (в главах «Голос русского солдата», «Голос разведчика – Гюрю», «Голос белорусской партизанки», «Голос украинского казака», «Голос летчика-дагестанца», и др.). Полны лиризма обращения неизвестного солдата. В них любовь сына к матери сливается с верой в непобедимость советского народа:

...Тарланма, азиз ана,
Сибир сувлу гёзлеринг.
Биздей минглени артында
минг бирлер, нече минг [Там же, с. 128]!

...Не печалься, мать родная,
Вытри слезы с глаз своих,
Подобных нам
Есть тысяча первые, много тысяч...

Все главы не равнозначны по своей структуре. В них нет завершённой жанровой определённости, но в общем контексте они выступают как структурообразующие элементы лиро-эпической поэмы, в которой эпическое содержание реализуется в основном в главах, написанных белым стихом. Лирическую тональность придают поэме песни, лирические монологи героев поэмы и голос самого поэта. Большие исторические ассоциации, неожиданные факты, фрагменты объединены концептуальным сходством.

Высокий гражданский пафос звучит в главе «Голос Востока», где автор переживает трагедию арабских народов, откуда доносится глас страдания («Ондан бугюн эшитимен зар тавуш...» [Там же, с. 123]). В главе наравне с персонажами слышен и голос автора, а лирические отступления, «полифонизм бытовой речи» усилены публицистичностью.

Большую нагрузку в поэме несут образы природы. Наиболее ярко это выражено в главе «Макъар терекни йыры» – «Плач березы» [Там же, с. 125-127]. Береза выступает здесь как живое существо, переживающее большую боль утраты, поэтому автор использует олицетворение.

Образ березы становится символом благодаря очень выразительному слиянию черт, свойственных явлениям природы, с человеческими качествами.

В этой главе повторно звучит «сквозная организующая идея» поэмы, выражающаяся, прежде всего, как авторская нравственная позиция, как его боль и память.

Таким образом, лиро-эпическая поэма «Песня тысяча первых», являясь сложным жанровым образованием, сочетает в себе элементы эпоса, лирики и драмы и свидетельствует о непрерывном процессе творческого поиска кумыкской поэзии, в котором наглядно проявляется ассоциативное мышление поэтов, их стремление к художественному синтезу, к усложнению форм эстетического освоения действительности.

Творчество кумыкских поэтов свидетельствует о широте тематического диапазона кумыкских лиро-эпических поэм. Они посвящены сложному процессу ломки формирования духовно-нравственного сознания человека под влиянием социалистической действительности в 20-е годы, в период коллективизации, в послевоенные годы. Герои лиро-эпических и лиро-драматических поэм становятся носителями новых черт, обусловленных меняющейся действительностью.

Содержание современной кумыкской лиро-эпической поэмы стало богаче и глубже, расширились ее художественные возможности, в ней все отчетливее ощущается время, она глубже обращается к чувствам и стремлениям современного человека, апеллирует к его нравственным ориентирам.

Список литературы

1. Аджиев А. А. Земли зеленые ладони: стихи и поэмы. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1977. 156 с.
2. Акаев А. З. Солнце взойшло. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1994. 342 с.
3. Антология кумыкской литературы. Махачкала: ГАУ «Дагестанское книжное издательство», 2013. 592 с.
4. Аристотель. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
5. Атабаев М. С. Похищенная смерть. М.: Советский писатель, 1968. 84 с.
6. Аткай. Горящий камень: стихи и поэмы. М.: Современник, 1981. 158 с.
7. Аткай. Тамада: стихи и поэмы. М.: Советская Россия, 1972. 128 с.
8. Ахмедова Р. А. Кумыкская поэма: духовно-нравственные проблемы. Махачкала: Изд-во ДГУ, 1999. 96 с.
9. Бадрутдин. Избранное. Махачкала: ГУП «Дагестанское книжное издательство», 2003. 576 с.
10. Бадрутдин. Радость. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1985. 136 с.
11. Бамматов Н. А. Зубайыл Хиясов в воспоминаниях. Махачкала: Издательский дом «Новый день», 2008. 415 с.
12. Долгополов Л. К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX века. М. – Л.: Наука, 1964. 352 с.
13. Жаков А. Г. Современная советская поэма. Минск: Изд-во БГУ, 1981. 176 с.
14. История дагестанской советской литературы: в 2-х т. Махачкала: Изд-во Дагестанского филиала Академии наук СССР, 1967. Т. 1. 416 с.
15. Казак Ирчи. Лирика. Махачкала: ГУП «Дагестанское книжное издательство», 2001. 272 с.
16. Керимова Д. На семи ветрах. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995. 215 с.
17. Лев Толстой об искусстве и литературе. М.: Сов. писатель, 1958. Т. 1. 592 с.
18. Лурье А. Н. Поэтический эпос революции. Л.: Наука, 1975. 206 с.
19. Неупокоева И. Г. Революционно-романтическая поэма первой половины XIX века. М.: Наука, 1971. 520 с.
20. Сулейманов А.-В. Избранные произведения. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. 349 с.
21. Храпченко М. Б. Художественное творчество, действительность, человек. Изд-е 2-е. М.: Сов. писатель, 1982. 368 с.
22. Юсупова Ч. С. Дагестанская поэма. М.: Наука, 1989. 408 с.
23. Юсупова Ч. С. Три десятилетия аварской поэзии. 1955-1990 гг. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1998. 247 с.